

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-191-196

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

САМАРХАНОВ Гордей Зуфарович,
Аспирант кафедры гражданского права и процесса и
международного частного права,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
e-mail: gordei.samarhanov@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РОЗЫСКА ДОЛЖНИКОВ, ИХ ИМУЩЕСТВА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОКРЫТИЮ АКТИВОВ В РФ, ФРГ И США

Аннотация. В статье рассматриваются сравнения правовых механизмов розыска должников, их имущества и способов противодействия сокрытию активов в России, Германии и США. По нашему мнению, основное отличие между обозначенными системами состоит в степени централизации процессов и доступности реестровых данных: РФ делает ставку на автоматизированные межведомственные запросы и быстрые административные ограничения, что позволяет оперативно реагировать на попытки вывода активов. В ФРГ приоритетом выступает процессуальная выверенность – должники обязаны предоставлять имущественную декларацию, а процедуры розыска проходят под строгим контролем суда, хотя это снижает скорость исполнения. Американский подход базируется на состязательности сторон, богатстве инструментов раскрытия активов и активности кредитора, что обеспечивает высокую гибкость, но может приводить к увеличению временных и финансовых затрат. Нам кажется, что успех поиска активов во многом определяется полнотой первичного профиля должника и скоростью межреестрового обмена. Предлагается использовать сильные стороны всех трех моделей: автоматизацию поиска и блокировки в РФ, доказательную дисциплину ФРГ и американскую вариативность раскрытия. Такой подход, по нашему мнению, повысит эффективность исполнения решений и минимизирует риски недобросовестного поведения, если будет обеспечен честный баланс между скоростью розыска и гарантией прав всех участников процесса. В современном правовом поле отдельного внимания заслуживает вопрос, насколько быстро инновационные цифровые решения способны адаптироваться под требования действующего законодательства и существующей инфраструктуры. Мы считаем, что ключевыми вызовами остаются не только технологическая модернизация, но и правовая интеграция новых платформ, а также обучение специалистов работе с большими массивами электронных данных.

Ключевые слова: розыск должников, арест активов, межведомственные запросы, имущественная декларация, судебный контроль, раскрытие активов, оспаривание сделок, субсидиарная ответственность, процессуальные издержки, цифровизация.

SAMARKHANOV Gordei Zufarovich,
Postgraduate Student in the Department
of Civil Law and Procedure and Private International Law,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

COMPARATIVE LEGAL ASPECTS OF THE SEARCH FOR DEBTORS, THEIR PROPERTY AND COUNTERING THE CONCEALMENT OF ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION, GERMANY AND THE USA

Annotation. The article discusses comparisons of legal mechanisms for tracing debtors, their property, and ways to counteract asset concealment in Russia, Germany, and the United States. In our opinion, the main difference between these systems is the degree of centralization of processes and the availability of registry data: the Russian Federation relies on automated interdepartmental

requests and rapid administrative restrictions, which allows it to respond promptly to attempts to withdraw assets. In Germany, procedural verification is a priority – debtors are required to provide a property declaration, and search procedures are strictly controlled by the court, although this reduces the speed of execution. The American approach is based on the competitiveness of the parties, the wealth of asset disclosure tools and the activity of the lender, which provides high flexibility, but can lead to increased time and financial costs. It seems to us that the success of asset search is largely determined by the completeness of the debtor's primary profile and the speed of inter-registry exchange. It is proposed to use the strengths of all three models: the automation of search and blocking in the Russian Federation, the evidentiary discipline of Germany and the American variability of disclosure. This approach, in our opinion, will increase the efficiency of execution of decisions and minimize the risks of unfair behavior if an honest balance is ensured between the speed of the search and the guarantee of the rights of all participants in the process. In the modern legal field, the question of how quickly innovative digital solutions can adapt to the requirements of current legislation and existing infrastructure deserves special attention. We believe that the key challenges remain not only technological modernization, but also the legal integration of new platforms, as well as training specialists to work with large amounts of electronic data.

Key words: *debtor search, asset seizure, interdepartmental inquiries, property declaration, judicial control, asset disclosure, contesting transactions, subsidiary liability, procedural costs, digitalization.*

Введение. Современная экономика усиленно стимулирует мобильность участников оборота и трансграничный характер сделок, а вместе с тем усложняет розыск должников и их активов. В этих условиях эффективность исполнения судебных актов определяется не только скоростью процедур, но и комплексом правовых инструментов, позволяющих оперативно идентифицировать должника, получить достоверные сведения об имуществе и пресечь схемы сокрытия активов. По нашему мнению, сопоставление подходов Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Соединенных Штатов Америки особенно показательно: сходные по целеполаганию системы демонстрируют заметные различия в процессуальных механизмах, степени вмешательства государства, объеме допустимой автоматизации и акцентах правовой защиты. Нам представляется, что именно на стыке этих факторов формируется реальная доступность правосудия: насколько быстро взыскатель получает информацию и насколько надежно обеспечиваются права должника при сборе и обработке персональных данных.

Предметом данного исследования являются сравнительно-правовые аспекты розыска должников, их имущества и противодействия сокрытию активов в названных юрисдикциях, включая правовые основания доступа к регистрам и базам данных, процессуальные полномочия органов исполнения и применение превентивных мер, блокирующих отчуждение или вывод активов. Мы исходим из того, что выбор архитектуры правового регулирования – от централизованных реестров и межведомственного обмена данными до децентрализованных моделей – предопределяет как доказательные стандарты и процессуальную

экономию, так и риски ошибок, избыточного вторжения в частную сферу и появления «регуляторных арбитражей». По нашему мнению, выявление оптимального баланса между оперативностью розыска, пропорциональностью вмешательства и гарантией прав участников требует интеграции лучших практик и трезвой оценки пределов цифровизации, что и обуславливает актуальность предпринятого сопоставительного анализа.

Материалы и методы. Эмпирическую основу составили нормы российского закона от 02 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», положения ГПК ФРГ, а также федеральные правила гражданского процесса США и модели исполнения на уровне штатов с использованием публичных реестров. Методологически применены сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ процессуальных полномочий органов исполнения.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение обозначенного вопроса начнем с того, что общий порядок розыска должников, из имущества, да и исполнительного розыска в целом урегулирован ст. 65 федерального закона от 02 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». При этом в соответствии со п. 1.1. указанной статьи под исполнительным розыском должника, его имущества или исполнительным розыском ребенка (далее – розыск) понимаются «проводимые судебным приставом-исполнителем, на которого возложены функции по розыску (далее – судебный пристав-исполнитель, осуществляющий розыск), предусмотренные настоящей статьей исполнительно-розыскные действия, направленные на установление местонахождения должника, имущества должника или местонахождения ребенка» [1].

В контексте рассматриваемого вопроса отметим, что розыск объявляется по месту исполнения исполнительного документа либо по последнему известному месту жительства или месту пребывания должника, местонахождению имущества должника либо месту жительства взыскателя. Объявление розыска является основанием для его осуществления на территории России, а также в порядке, установленном международными договорами Российской Федерации, на территориях иностранных государств. При этом, как совершенно верно отмечает А.В. Зарубин, «розыск должника или его имущества по исполнительным документам имущественного характера возможен лишь в случае, если размер долга превышает 10 тыс. руб., в том числе по сводному исполнительному производству, и при наличии других условий...» [2, с. 28]. Другими словами, как мы можем сделать вывод, розыск осуществляется не во всех случаях, а только при наличии у должника определенной суммы задолженности. При этом в практической деятельности приставов-исполнителей уже не один год существует объективная проблема: установление предмета розыска. Если в случае с должником все очевидно – пристав разыскивает конкретного человека, то в отношении имущества возникает вопрос: что разыскивать в этом случае – индивидуально-определенное имущество (в том числе деньги и ценные бумаги), принадлежащее должнику (понятие розыска в узком смысле), или же в целом принадлежащее должнику имущество (понятие розыска в широком смысле)? На практике, как отмечает И.В. Решетникова, судебные приставы-исполнители осуществляют розыск имущества должника в широком смысле [3]. При этом в определении от 29 мая 2014 г. № 1174-О Конституционный Суд РФ указал, что, «поскольку основной задачей исполнительного производства является правильное и своевременное исполнение судебных актов, вынесенных по спору о материальных правах и обязанностях сторон правоотношения (истца и ответчика), судебный пристав-исполнитель в ходе исполнительного производства по исполнению конкретного судебного акта объявляет розыск только того имущества должника в целях его реализации, которое принадлежит должнику. Розыск судебным приставом-исполнителем имущества лиц, не участвующих в исполнительном производстве и не являвшихся сторонами спорного материального правоотношения, бывшего предметом рассмотрения в судебном порядке, указанным задачам исполнительного производства не соответствует и не может быть признан допустимым».

Если говорить о самом алгоритме розыска, то судебный пристав-исполнитель выносит постановление о возбуждении, уведомляет стороны и

запрашивает сведения в реестрах и информационных системах. Базовые запросы адресуются в налоговые органы, Фонд пенсионного и социального страхования и банки, а также в Росреестр и ГИБДД для выявления наличия у должника недвижимого и движимого имущества. При необходимости пристав назначает исполнительский сбор (ст. 112), который является «денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства». Такой сбор является определенной мотивацией для должника погасить задолженность своевременно. По нашему мнению, именно полнота первичного информационного профиля должника – банковские счета, регистрация по месту жительства, транспорт, доли в юрлицах – задает темп всего розыска и снижает риск «ухода» активов на раннем этапе.

Если должник уклоняется, запускаются специальные меры розыска. Основания и порядок розыска лица и имущества закреплены в ст. 65 Закона № 229-ФЗ: пристав выносит постановление о розыске, направляет поручения в ОВД, размещает информацию в соответствующих учетах, при необходимости объявляет запрет на регистрационные действия с транспортом и недвижимостью, а также ограничивает выезд должника из РФ и специальное право управления транспортным средством. Блокируются счета и электронные кошельки, обращается взыскание на доходы, накладывается арест на имущество с описью и последующей реализацией. Отдельно действует механизм электронного межведомственного взаимодействия: запросы в банки и регистрационные органы могут идти автоматически через ГИС ФССП и СМЭВ, что, по нашему мнению, повышает скорость и снижает вероятность сокрытия активов. Для юридических лиц и ИП добавляется работа с бухгалтером, контрагентами и дебиторской задолженностью, в том числе обращение взыскания на исключительные права и доли в уставном капитале.

Противодействие сокрытию активов строится в большей части на превентивных ограничениях. К ключевым инструментам относятся: немедленное вынесение постановлений о временных ограничениях и арестах при появлении информации об имуществе, оспаривание мнимых и притворных сделок по инициативе взыскателя с процессуальной поддержкой пристава, привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответ-

ственности в банкротстве, а также возможность временно ограничить операции по счетам и электронным средствам платежа при наличии исполнительного документа. В исключительных случаях применяются меры административной и уголовной ответственности за неисполнение и сокрытие имущества. Нам представляется, что наилучший эффект достигается при сочетании быстрого ареста ликвидных активов, адресной работы с регистрами прав и своевременного перехода к процедуре банкротства, если у должника прослеживаются признаки вывода активов: тогда инструменты оспаривания сделок и субсидиарной ответственности становятся не угрозой «в теории», а реально работающим фильтром против недобросовестного поведения.

Германия, как федеративное государство поделена на земли, в каждой из которых свои правовые акты, тем самым в государстве нет единого закона об исполнительном производстве. Принудительное исполнение судебных решений выполняют регистраторы суда, приравненные к чиновникам. Как отмечает А.Х. Канкулов, «непосредственно розыск должников и их имущества осуществляют органы полиции, а регистраторы исполняют вступившие в законную силу решения суда» [3, с. 238]. Для исполнения распоряжения суда об обеспечении иска орган принудительного исполнения либо задерживает лицо, либо налагает арест на имущество, либо непосредственно производит действия, которые должен был произвести должник. Система исполнительного производства в Германии разделена на два этапа: первый розыск должника и его имущества полицией, второй судебные притязания и исполнение решения регистраторами суда.

Отправная точка розыска – получение кредитором исполнительного титула и его снабжение исполнительной оговоркой, что закреплено в §§ 704, 724 – 729 Гражданского процессуального кодекса ФРГ (далее – ГПК ФРГ) [4], после чего выбирается способ приведения судебного приказа в исполнение: арест движимого имущества, удержания из доходов, обращение взыскания на счета и иные требования. Для целенаправленного поиска активов применяется механизм получения информации от должника: на него возлагается обязанность предоставить декларацию о своем финансовом положении (нем. *vermögensauskunft*). Сведения из декларации хранятся и доступны в специальном электронном реестре, что, на наш взгляд, является важным противовесом попыткам «растворить» [5, с. 71] активы в цепочке счетов и псевдосделок. Дополнительно кредитор вправе запрашивать доступ к государственным источникам данных через суд или специализированные органы, например требовать сведения от налого-

вых органов о местах работы и счетах должника, а также данные реестров транспортных средств и торговых реестров.

В США принудительным исполнением занимается Федеральная служба маршалов, которая является одним из старейших правоохранительных органов. Как отмечает А.Г. Чобанян, «маршалская служба работает в тесном контакте с ФБР, полицией и другими правоохранительными органами, обеспечивает не только исполнение решений, но и безопасность судебных учреждений и участников процесса» [6, с. 37]. Маршалы США осуществляют розыск должников, также они наделены правом производства расследования и осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

После получения судебного решения кредитор оформляет исполнительный лист или аналогичный приказ (на уровне штата – по правилам соответствующего Гражданского процессуального кодекса штата; в федеральных судах – в соответствии с п. 69 (а) Федеральных правил гражданского процесса (англ. *Federal Rule of Civil Procedure, FRCP*), отсылающее к праву штата места суда), и переходит к раскрытию сведений об активах должника [7, с. 219]. Важное значение имеют информационные базы штатов: реестры залогов движимого имущества, земельные реестры округов, а также реестры движимого имущества для транспорта [8, с. 213].

По нашему мнению, именно комбинация широких полномочий по розыску должника и его имущества, и доступности реестров создает практическую «карту» активов, которой часто достаточно для точечного ареста должника или имущества без затратного «вылавливания» сведений по крупицам.

Сравнивая подходы всех трех стран к розыску должников, их имущества, а также противодействия сокрытию активов, стоит отметить, что на наш взгляд, ключевое различие между Россией, Германией и США заложено в устройстве розыска должников и источниках сведений об активах. Российская модель более централизована и административно управляемая: служба судебных приставов действует на основании закона № 229-ФЗ, опираясь на межведомственные каналы и автоматизированные запросы к налоговой, банкам и государственным реестрам, что позволяет быстро сформировать первичный профиль должника и оперативно заблокировать ликвидные активы. Германская модель достаточно формализована: ядром служит обязательная декларация о имущественном положении должника с последующим внесением сведений в официальный реестр, а дальнейшие запросы к государственным базам осуществляются при осу-

ществлении строго судебного контроля; исполнение проводят судебные исполнители, что повышает точность процедуры розыска, но делает процесс более затянутым и нередко зависимым от непосредственного участия в ней должника. Американская система децентрализована и состязательна: раскрытие сведений после вынесения решения строится на отправлении большого количества запросов к должнику и третьим лицам по правилам гражданского процесса. Также активно используются публичные реестры залогов движимого имущества, земельные книги округов и базы учетных записей, что компенсирует отсутствие единой централизованной системы исполнения судебных решений. Полагаем, что по скорости стартового розыска преимуществом обладает российская система, по доказательной выверенности и пропорциональности мер – немецкая, а по широте охвата и гибкости – американская.

Если сопоставлять противодействие сокрытию активов, видно, что все три страны сочетают оперативные аресты с последующим оспариванием подозрительных сделок, однако акценты различаются. В России преобладают быстрые административные блокировки и аресты, ограничения на выезд и специальные статусные меры; при признаках вывода активов кредиторы нередко переходят к банкротным инструментам оспаривания и привлечения контролирующих лиц к ответственности в соответствии с федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [9], что, по нашему мнению, с одной стороны достаточно эффективно, но одновременно с этим чувствительно к рискам избыточного вмешательства со стороны иных органов. В Германии противодействие строится на раннем обращении взыскания на счета и доходы, обеспечительных мерах до решения суда и системном оспаривании подозрительных сделок. При этом баланс интересов поддерживается жесткими пределами неприкосновенного минимума имущества, публичными реестрами должников и постоянным судебным контролем. В США связка предварительных и последующих мер (арест имущества до решения, временные запреты, затем обращение взыскания после решения) дополняется широкими правилами оспаривания недобросовестных сделок в рамках дел о несостоятельности и по законам штатов, а также санкциями за неисполнение судебных предписаний, что, по нашему убеждению, обеспечивает высокую адаптивность к сложным многоуровневым схемам, но повышает стоимость и процессуальную нагрузку.

В целом стоит отметить, что существующие и обозначенные нами различия объясняются балансом между централизацией данных, судеб-

ным контролем и состязательностью сторон. Россия в этом аспекте выигрывает за счет скорости межреестрового доступа к информации о должнике и его имуществу, а также за счет существования широкого спектра административных рычагов. В практической перспективе оптимальная модель могла бы совместить российскую автоматизацию первичного профилирования, немецкий стандарт соразмерности и реестровой дисциплины, а также американскую глубину последующего раскрытия и развитый инструментарий оспаривания сделок; именно такой гибрид минимизировал бы пространство для вывода активов без увеличения числа ошибок и чрезмерного вмешательства со стороны иных органов и третьих лиц.

Выводы. Системы России, Германии и США решают одну задачу разными правовыми средствами, что по-разному влияет на скорость, надежность и стоимость исполнения. В России преимущество дает быстрый межведомственный доступ к данным и оперативные меры блокировки, а при признаках вывода активов – переход к инструментам банкротного оспаривания и привлечения контролирующих лиц. В Германии приоритетом является доказательная надежность: имущественные декларации должника, публичные реестры и постоянный судебный контроль обеспечивают высокий уровень проверки, но снижают темп розыска. В США основой выступает состязательное раскрытие и широкое использование публичных реестров, дополненное сильными средствами противодействия недобросовестным сделкам, что повышает адаптивность системы, но увеличивает процессуальные затраты.

Оптимальная модель может объединять сильные стороны всех трех подходов. На стартовом этапе целесообразны автоматизированный межреестровый поиск и быстрые обеспечительные меры (российский опыт), далее – строгая реестровая дисциплина и контроль соразмерности вмешательства судом (немецкий стандарт), а на этапе последующего раскрытия и оспаривания – развитые процедуры выявления активов и отмены подозрительных сделок (американская практика). Такой гибридный вариант одновременно ускорит идентификацию активов, снизит риск ошибок и обеспечит разумные пределы вмешательства в частную сферу, повышая эффективность и устойчивость исполнения судебных решений.

Список литературы:

- [1] Об исполнительном производстве : федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ : ред. от 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
- [2] Зарубин, А. В. Некоторые вопросы исполнительного розыска имущества должника / А. В.

Зарубин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – № 6. – С. 27-31.

[3] Канкулов, А. Х. Исполнительное производство: опыт зарубежных стран / А. Х. Канкулов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 238-240.

[4] Code of Civil Procedure // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection: site. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/index.html (дата обращения: 29.08.2025).

[5] Bartels, K. Rechtsvergleichende Forschung zur Reform des Gesetzes über die Zwangsversteigerung und die Zwangsverwaltung / K. Bartels. – Hamburg, 2017. – 155 p.

[6] Чобанян, А. Г. Некоторые вопросы розыска должников и их имущества в развитых зарубежных странах / А. Г. Чобанян // Российский следователь. – 2011. – № 9. – С. 36-39.

[7] Baker, M. Debtors' prisons in America: An economic analysis / M. Baker // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2020. – № 84. – P. 216-228.

[8] Sullivan, T. A Study of Alleged Abuse and of Local Legal Culture / T. A. Sullivan // Journal of Consumer Policy. – 2021. – P. 211-219.

[9] О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : ред. от 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

References:

[1] On Enforcement Proceedings: Federal Law No. 02 dated October 2007, 229-FZ: Rev. dated

31.07.2025 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – № 41. - Art. 4849.

[2] Zarubin, A. V. Some issues of executive search of the debtor's property/A. V. Zarubin//Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. – 2022. – № 6. - S. 27-31.

[3] Kankulov, A. Kh. Enforcement proceedings: experience of foreign countries/A. Kh. Kankulov//Law and state: theory and practice. – 2022. – № 2 (206). - S. 238-240.

[4] Code of Civil Procedure // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection: site. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/index.html (access date: 29.08.2025).

[5] Bartels, K. Rechtsvergleichende Forschung zur Reform des Gesetzes über die Zwangsversteigerung und die Zwangsverwaltung / K. Bartels. – Hamburg, 2017. – 155 p.

[6] Chobanyan, A. G. Some issues of the search for debtors and their property in developed foreign countries/A. G. Chobanyan//Russian investigator. – 2011. – № 9. - S. 36-39.

[7] Baker, M. Debtors' prisons in America: An economic analysis / M. Baker // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2020. – № 84. – P. 216-228.

[8] Sullivan, T. A Study of Alleged Abuse and of Local Legal Culture / T. A. Sullivan // Journal of Consumer Policy. – 2021. – P. 211-219.

[9] On insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002: rev. of 31.07.2025 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 43. - Art. 4190.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.